

Н. Н. Широбокова

ИЗОГЛОССЫ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ

(по материалам Диалектологического атласа
тюркских языков СССР*)

Первым объектом диалектографического исследования, по методике современной лингвистической географии, являются изоглоссы отдельных диалектных признаков: фонетических, грамматических, лексических. В качестве таких явлений в области фонетики в "ДАТЯС" рассматриваются ряд межъязыковых и междиалектных фонетических соответствий, одни из которых ориентированы на выявление признаков, по которым тюркские языки "дифференцируются в их современном состоянии" (качество ударных гласных, их ослабление в пре- и заударной позиции), другие являются результатом определенного исторического процесса (изменение сверхслабых), третьи имеют реликтовый характер (н/й). В области вокализма в реестр "Вопросника" включены соответствия гласных по ряду, степени подъема, огубленности и неогубленности, соответствия с этимологическими долгими гласными.

Фонетические соответствия являются результатом развития явлений, общих для ряда тюркских языков, либо для одного из этих языков, либо для диалектов одного из них. Кроме того, фонетические соответствия, совпадающие по внешнему проявлению на данном синхронном срезе, могут являться результатами различных фонетических процессов. В таком случае они имеют разные границы распространения.

1. По отражению твердорядных и мягкорядных вариантов на территории распространения тюркских языков в Сибири выделяются 3 зоны: 1) в первую входят якутский и долганский языки. Эта зона характеризуется: а) отсутствием перехода твердорядных вариантов в мягкорядные в словах, включенных на это соответствие в "Вопросник"; б) сохранением твердых вариантов, встречающихся в древних (преимущественно орхонских) памятниках. Например: *ʔɛl/ʔɛl* 'язык', 'речь'. Твердорядные варианты отмечены в якутском, долганском, тувинском и тофском языках, в чалканском

* Рукописный вариант "Диалектологического атласа тюркских языков СССР" хранится в Институте филологии СО РАН.

диалекте алтайского языка употребляются обе формы *tɛl' // tie'*. Остальные языки Сибирской зоны имеют только мягкорядный вариант. В древнетюркских памятниках встречаются оба варианта, но в орхонских текстах, в уйгурской надписи VIII в. из Внутренней Монголии оно дано в твердорядном варианте. Или *jæn/svŋ* 'шерсть' по материалам зоны твердорядный вариант представлен только в якутском "линная шерсть". Более древний характер твердорядного варианта подтверждается материалами древних памятников и имеющимися однокоренными параллелями в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках; в) наличием твердорядных вариантов, соответствующих мягкорядным вариантам древних памятников, но имеющих твердорядные соответствия в некоторых живых тюркских языках. *əqys/əqvs* 'бык', як. *əqvs*. Все древнетюркские памятники и большинство современных тюркских языков имеет мягкорядный вариант. Твердорядные варианты отмечены в диалектах турецкого, азербайджанского и кумыкского языков и узбекского языка: оуз, окуз, огуз, хукиз; г) наличием твердорядных вариантов, не имеющих соответствий ни в древних, ни в живых тюркских языках (см. як. *чрчэх* 'кость' < др. т. *söŋük* (ср. мон. письм. *čimügen* 'берцовая кость', 'мозг в костях', халх. *чөмөг* 'костный мозг', бур. *самэгэ(н)* 'полая трубчатая кость' > як. *сүһүгүдх* 'голень у скота'). Это позволяет предположить, что якутский язык, рано оказавшись в изоляции, не подчинился более поздней тенденции к опереднению и сохранил древнюю огласовку.

2) Вторая – нейтральная – зона. В нее входят тувинский, шорский, диалекты алтайского и хакасского языков. Вокализм этих языков совпадает с исходным (за исходное принимается состояние близкое к языку древнейших памятников, с учетом имеющихся реконструкций на тюркском уровне).

3) Третья зона, в нее входят тувинский язык, диалекты сибирских татар, чулымских тюрков, тофский язык, кызыльский диалект хакасского языка, характеризуется переходом твердорядных слов в мягкорядные. В этом изменении выделяются три фонетических процесса: комбинаторное изменение *a > ä*, отражение древнедиалектного соответствия *ы/и*, умлаут. Ареалы их хотя и пересекаются, но полностью не совпадают.

II. Соответствие огубленных – неогубленных гласных также возникает в результате нескольких фонетических процессов. Лабиализация *a* в диалектах сибирских татар, где она возникла под влия-

нием татарского и, возможно, узбекского языков. Лабиализация в ряде алтайских диалектов произошла под влиянием *-β-*: ср. бачат. тел. *pvr*, телеут., алтай-кижи *pvr*, теленгит. *pɔ:r*, туба, чалканск. *pa:r*, кумандинский *paq(ɔ)gə/paq(ɔ)ga*.

Еще один процесс, в результате которого возникли межъязыковые соответствия огубленных и неогубленных гласных, связан со становлением современной гармонии гласных. Древние асингармонические формы дают по Сибири два ареала: 1) якутский и долганский языки, где колебание употребления огубленных и неогубленных вариантов имеет диалектный характер; 2) остальные языки, где в словах, имевших в древнетюркском неогубленный гласный в первом слоге и огубленный во втором, обычно употребляется неогубленный вариант (см. др. т. *kičüg, bedük, qatvŋ, aŋvq*). Хотя встречаются и нарушения, имеющие комбинаторный характер (например, огубленные варианты *bodyk* в чулымском, сиб. тат. диалектах, мрасском диалекте шорского), а слова, имевшие в первом слоге огубленный и во втором неогубленный, дали огубленный вариант (см. *brlɛt* 'облако', алт. *pvlɛt*, шор. *pvlɛt*, хак. *pvlɛt*, тув. *pvlɛt*, тоф. *šulut* / як. *brlɛt*, хак. (шор.) *pvlɛt*). По тюркским языкам Сибири в этих словах гармония пошла по первому слогу, а для большей части диалектов Якутии – по второму.

Делабиализация губных гласных в односложных словах (на материале "Вопросника") на территории Сибири отмечена только в кызыльском диалекте хакасского языка и диалектах сибирских татар (хак., (шор.) *pɛt* 'бедро', сиб. тат. (чаты) *tɪp* 'дно').

III. По характеру употребления долгих гласных, необъяснимых изменениями групп *VCV* и *VC*, в Сибири выделяется три ареала, отличающихся разными закономерностями употребления долгих гласных: 1) якутский и долганский языки, где так называемая этимологическая долгота на каком-то этапе развития языка зависела не только от качества последующего согласного, но и от структуры слова: в двухсложных словах долгота может быть не представлена, в то время как она отмечается в однокоренных односложных словах. Ср.: *aac* 'голод, голодный', но *aččyk* 'голодный'; 2) Во вторую зону входят чулымско-тюркский язык, диалекты хакасского, алтайского и шорского языков. В этих языках долгота может появляться при морфологическом наращении в односложных словах и в двухсложных, как правило, перед последующим узким гласным; 3) В третью

зону входит тувинский язык, в котором долгим гласным якутского языка соответствуют краткие нефарингализованные гласные.

IV. Колебания гласных по подъему – одна из сложных проблем в исторической фонетике тюркских языков.

В "Вопросник ДАТЯ СССР" включено 17 слов на широко распространенные межъязыковые и междиалектные соответствия широких и узких гласных а/ы, э/и, о/у, ö/ü. Целью составителей "Вопросника" было выявить территориальное распределение параллелизма широких и узких гласных в корнях-основах и развитие двух типов е, существовавших в тюркских языках с древнейших времен. Хотя "Вопросник" строился с учетом как межъязыковых, так и междиалектных соответствий, собственно диалектные изменения широких и узких гласных в материалах атласа отражения не получили.

По материалам этого раздела тувинский, алтайский, шорский характеризуются как языки, сохраняющие особенности исконного вокализма (под исконным понимается состояние, характерное для наиболее древних памятников, и имеющиеся реконструкции на тюркском уровне), хотя соответствия широких и узких характерны для многих диалектов и говоров этих языков. Это еще раз подтверждает, что в одном соответствии могут совпадать результаты различных процессов, различающиеся по времени и лексическому охвату.

По материалам атласа переход о > у, у > о наблюдается последовательно только по некоторым пунктам сибирских татар. Количественная характеристика (по реконструируемому архетипу) на географическое распространение широких и узких вариантов влияния не оказывает, кроме якутского *о: > Vu.

Переход е > ü, ü > е также проходит по диалектам сибирских татар, в хакасском отмечен переход е > ü.

Какие-либо закономерности, связанные с переходом а > ы, ы > а в ДАТЯ не прослеживаются. На это соответствие дано всего два слова: агач/йыгач 'дерево' и табыш/тыас/да:ш 'голос, шум', в первом случае мы имеем дело скорее с историей слова, во втором чередование возникает в результате выпадения интервокального согласного.

Наиболее полно представлено соответствие е/и. Оно прослеживается по диалектам сибирских татар, хакасскому и якутскому языкам.

На территории Сибири, таким образом, выделяются 4 группы язы-

ков, характеризующихся разными закономерностями проявления соответствий широких и узких гласных:

1. Диалекты сибирских татар, в которых, под влиянием татарского языка наблюдается непоследовательный перелом гласных.

2. Хакасский язык (исключая шорский диалект, и, в какой-то мере, кызыльский). Здесь наблюдается переход широких мягкорядных в узкие (при сохранении широких твердорядных).

3. Якутский и долганский – общетюркским широким гласным могут соответствовать широкие, дифтонги и узкие. Наиболее последовательно это прослеживается на соответствии неогубленных гласных. При рассмотрении этого соответствия принимается бинарное деление: узкие / широкие. Узкими считаются гласные 1-й и 2-й ступеней подъема, все остальные рассматриваются как широкие.

1) мін/мен 'я', гагауз. *væn/væn* ~ карач.-балк. *men*, ногой. *men*, кум. *men*, азерб. *men/mæn*, тат. (карагаши) *men*, чув. *ep'/ep'e/ jep*, туркм. *mæn/mæn*, узб. *men/mæn/man*, чул. тюрк. *mæn/mæn*, алт. *men*, шор. *men*, хак. (кызыльский и шорский диалекты) *men/men*, тув. *men*, тоф. *m'en* ~ тат. *min*, башк. *min*, сиб. тат. (тоболо-иртышский и барабинский диалекты) *min*, хак. (качинский, бельтирский, сагайский) *mīn*, долг. *mīn*, як. *mīn* 'я'.

В рунических и уйгурских текстах гласный в этом слове, как правило, не обозначается (¹¹⁸ Кт, м. II, б. 27, ¹¹⁹ Т. 1, 11...), при чтении текстов он транскрибируется как ä, е, (é), е (e). При транскрипции древнетюркских текстов знак е (e) в ДТС (é, у *ce*) употребляется в первых слогах слов, в тех случаях, где для памятников отмечено колебание в написании е/и. "е указывает на написание с "элифом" или "фатхой" или на пропуск гласного" (ДТС., с. ХУШ). Случаи написания этого местоимения с -i- в *Kudatku Bibik* (по чтению *Paglov-a*) приводятся В.В. Радловым в работе "Zur Geschichte der türkischen Vokalsystems" /1/ *men* – употреблено на первых страницах 210 раз, (*min*) – 3 раза: А. Габен отмечает единичное написание *min* в поздних добавлениях к колофону М I 29, 2 /2/.

С.Е. Малов в словаре к "Памятникам древнетюркской письменности" дает и *væn*, *mæn* и *min*, последний вариант с пометой Юр. – уйгурские юридические документы.

А.М. Шербок реконструкцию этого местоимения дает как "пән" (? пән) /3/.

2) Гагауз. *s'æn/ s'an/sen*, карач.-балк. *sen*, ногай. *sen*, кумык. *sen*, аз. *sen/sæn*, тат. (диал. карагашей) *sen*, чув. *es/εsε/ jēs*, туркм. *sæn/θen/ sen*, узб. *sen/sæn/ san*, кирг. *sen*, каз. *sen*, узб. *sen/sæn/ san*, чул.тюрк. *sæn*, алт. *sen*, шор. *sen*, хак. *sen/sen* (кызыльский, шорский диал.), тув. *sen*, тоф. *s'en*, долг. *en*, як. *en* ~ тат. *sin*, башк. *θin/hin*, сиб.тат. (тоболо-иртышский диалект) *sin*, хак. *s'in* (качинский, сагайский, бельтирский). Вокализм этого слова отличается теми же особенностями, что и в *men*, за исключением якутского и долганского вариантов, где вместо *I* первого случая встречается *ε*, что, возможно, связано с изменением в этих языках первоначальной структуры слога (CV C > VC).

Обычное написание в памятниках *e*, но встречается и *e* (см.: Сл. р. 331) – сюда Клоусон включает и те случаи, когда в рунических текстах употребляется *i* в косвенных падежах. Так, как пример употребления *e* Клоусон предлагает *Tjo sēni: Tōvgaciġ ölü:rteci* Ср.: Мал. *sini Tobyaçyŋ öürtäci*. В уйгурских текстах (Ман.) – *sen*, в буддийских *sen* (часто встречается написание без гласного – *sn*). В *TT_{viii} se:n* и *sē:nin* KasI *sen*, KB – *sen*. В более поздних памятниках также употребляется *sen*. У Махмуда Кашгарского сказано, что "огузы, обитающие в пределах Рума, сувары и кыпчаки сен пишут с фатхой при сине".

Единичные случаи написания с *i* отмечает Радлов (см. *min*).

А.М. Щербак восстанавливает *sän* (? *sän*) на тех же основаниях, что и в местоимении *I* л.

Гипотеза о первичности *i* в личных местоимениях в плане сохранения более древней формы языками, имеющими *min*, *sin* – не рассматривается, так как закономерности в территориальном расположении вариантов с узкими и широкими явно говорят о вторичном характере *i* в этих языках – это языки, для которых перелом *e > i* носит закономерный характер – татарский, хакасский, в какой-то степени якутский.

3) *eki/ikki* 'два'.

К.-балк. *eki*, ногай. *ekë*, кумык. *eki*, тат. (астраханские ногайцы, карагаши) *eke*, узб. *ejki/ekki/ eki*, кирг. *ekī/ekki*, каз. *ᵀeki/ᵀeki*, к.-калп. *eki/ᵀeki*, сиб.тат. (чатский говор) *ᵀeki*, бач.телеут. *eki*, алт. *ekī/ekki/ekī* (телеут., теленгит., туба, алт., чалк.) ~ гагауз. *ik'i/ikk'i*

аз. *iŋqi*, тат. *ike/i'e/ik'e*, башк. *ik'e/ikæy*, чув. *ik'e/ik'e*, туркм. *iki/ikki*, узб. *ikkī/iekkī/ikī*, сиб.тат. *ikī/ikkī/iki*, чул.тюрк. *Igi/Ige*, шор. (мрасс.) *i:gi*, шор. (конд.) *ijgi*, хак. *ᵀkᵀ/ᵀkkᵀ/ᵀjkᵀ/ᵀkᵀ/ᵀkkᵀ/ᵀgᵀ/ᵀkᵀ/ᵀkkᵀ/ᵀgᵀ*, тув. *I3'I/ I~jI/ᵀjI*, тоф. *i~hi*, долг. *ikkī*, як. *ikkī*, уйг. *jkkī*.

Э.В. Севортян начальной формой корневого гласного считал варьирующиеся гласные *e* ~ *e*, второй из которых явился исходным пунктом для эволюции *e > i* /4/. Тот же гласный восстанавливается и в первых двух примерах, но это слово имеет иные территориальные закономерности и в живых и в древних языках. Если в памятниках отмечаются лишь единичные (и иногда спорные) случаи употребления с *i*, то со словом *eki* другая ситуация – *e* отмечается в немногочисленных старых памятниках *Toñ*, КТ, Гагат.кн. – (пропуск знака), в енисейских текстах И.А. Батманов включил соответствие *э/и* в словах *эль/иль* 'государство', *бир/бер* 'давай', *бис/беш* 'пять', *ики/эки* 'два' – в число классификационных признаков /5/, круг памятников с чередованием *e/i* в слове 'два' – уже, чем указываемый И.А. Батмановым по соответствию *e/i* в слове *эль/иль*: – памятники с *e* – I6, 42, 2I – написание без первого гласного *ᵀᵀ*, памятники 29, 3I, 43 – с *i* *ᵀᵀᵀ*, особое написание гласного в памятнике 49 (первый памятник из Тувы) через знак *х* – *äkiä'ir* *ᵀᵀᵀᵀᵀ* – сорок два), знак *х* В.Томсен считал специальным знаком для закрытого *э*, в ДТС для него предложено написание – *е* /ДТС, с. XV/, С.Е. Малов читал его как *ä* и как *i* – ср.: Памятник с р. Тэле (с. 83) – *ä'lim* 'мой эль' – *ᵀᵀᵀ*; для *äkišiu* (первый гласный передается через *х*) 'мой копи (шахты)', считается вероятным и прочтение *i'gim(i'm)* – 'лошадь с норовом'; *agrīmābim* 'мой поппоны' – (*ᵀᵀ*...), возможно только *i* /6/.

Наличие *e* преимущественно в кыпчакских языках позволяет предположить для татарского и башкирского перелом *e > i*, а для диалектов алтайского *e* – как результат более сильной кыпчакизации – поле тяготения от центральной кыпчакской зоны здесь сильнее сказывается, на появлении узкого гласного в других языках может сказаться: 1) качество исходного гласного *e*, 2) влияние *i* второго слога, 3) структурная перестройка слова – возможно, что *k* было изначально двойным (см.: Сл. ., р. 100–101).

4) беш/биш 'пять'.

Гагауз. *ves'* , к.-балк. *ves'* , ногай. *ves* , кумык. *ves'* , аз. *ves'* , тат. (нукратовский говор среднего диалекта) *ves'* (/i/ *viš*), (карагаши) *ves'* , туркм. *ve:ʃ* / *væ:ʃ* , к.-калп. *ves* , узб. *ves* / *ve:ʃ* / *veʃ* , кирг. *ves'* , каз. *ves* / *ves* , уйг. *væ:ʃ* , сиб. тат. *peʃ* (барабинский диалект, чатский говор томского диал., калмакский говор томского диал.), бачат.-тел. *peʃ* , чул. тюрк. *pæ:ʃ* (средне-чулымск.), *peʃ* (нижнечулымск.), алт. *peʃ* / *peʃ'* , шор. *peʃ* , хак. *pes* (кызыльский диал.), *peʃ* (шорский диал.), тув. *peʃ'* , тоф. *ves* ~ долг. *ve:ʃ* , як. *ve:ʃ* ~ тат. *viš* , башк. *viš* , чув. *p'ilek* / *p'il'ek* , сиб. тат. (тоболо-иртышск. диал., зуштинский говор томского диал.) *piš* , хак. *p'is* / *p'is* / *vis* .

Территориальное распределение вариантов с узкими гласными совпадает с I и 2 примерами. Отличаются данные якутского и долганского языков, где отмечаются соответственно дифтонг и дифтонгоид. В рунических текстах обычно написание с пропуском знака для гласного, т.е. *e* (*e̅*). Г.Клоусон указывает на случаи написания с *e* 49 строку памятника Тоньюкука, один случай в памятнике Бильге-кагана, и 17 строку памятника Кули-Чура (с. 376) (у С.Е.Малова в тексте памятников Тоньюкука и Кули-Чура - написание без знака для гласного).

Уйгурские памятники - Клоусон дает транскрипцию через *e*, Малов в Словаре (с. 372) дает только *viš* (*ThS*, 103, *Suv* 13, 615, *Chuast* 32, 136, *Röy*, 112, *Qaš*, 7) КТ 18 *ʃʌʃ* - т.е. написание через *i*; с особым знаком для *e* - *χ*, слово встречается в памятнике из Кежилиг-хобу (45).

В некоторых позднеjších текстах встречается написание с долгим гласным - М.К. *ve:ʃ* (*š* или *ʃ*).

В уйгурской рукописи Кудатку *vilik* (с. 2-80) В.В. Радлов отметил одно написание через *ʃ* (*e*) и одно с *ʌ* (*i*) (роспись по памятникам см.: с. 776, Сев. II, 126).

Этимологическую долготу для пратюркской формы восстанавливают многие исследователи: *Räs*. **väs*, *Darf Khm. väs* , т.е. *e/i*, объясняется исследователями характером исходного звука - *e* (*e*) как и в предыдущих случаях, но первичная долгота в этом случае предполагается большинством исследователей.

5) геч/кеч ~ гич/кич... 'вечер, поздно'.

Гагауз. *getʃ'* , к.-балк. *ketʃ'* / *kets* , ногай. *kef* ,

кумык. *getʃ'* , аз. *hedz* / *hez* , тат. (нукратовский говор среднего диал.) *keʃ'* / *kis'* , (юртовские тат.) *keʃ* , чув. *kaf'* , бач. тел. *keʃ* , туркм. *ge:ʃ* (нохурск., хасар., кырачск.), кирг. *getʃ* / *ketʃ* , алт. (телеут., кумандинск., чалканск.) *ketʃ* / *keʃ'* , шор. (кондомск.) *keʃge* , (мрасск.) *kedze* , хак. (шор.) *keʃge* , (кызыльск.) *keze*: 'вчера', *keʃ'* (вечер), тув. *keze* / *xeʃge* , тоф. *keʃge* , полг. *keʃe* , як. *keʃe* ~ тат. *kiʃ* / *kis* / *kis* / *kiʃ* , башк. *kis* , туркм. (геокленский, човпурский, емудский, эрсаринский, сарынский) *gi:ʃ* , (текинский) *giʃ* .

Отличие в территориальном распределении вариантов от предыдущего: а в чувашском и появление долгого узкого (в текинском диалекте краткого) *i* в туркменском. В чувашском а могут совпадать тюркские *ä* и *ä̅*: *kas* < *käç* 'вечер', *ak* < *äk* 'сеять'... (Шерб. СФ, с. 154). Появление туркменского *i*: /i/ объясняется также тем, что в праформе был долгий, который в туркм. дает *ī* и очень редко *ä* (Шерб. - с. 134). В рунических памятниках слово не отмечено, в уйгурских встречается написание и через *e* и через *i*; иногда в одном и том же памятнике, ср.: *Suv*. 612 *kiš* и *Suv*. 138 *käç* (Мал. I, 440), *QBN* *kičä kündüz* 'ночь и день' и *QBN* 46 *käçä* 'поздно'; *keç* 'поздний, поздно', но *käçä* 'вечер, ночь' в лексике Среднеазиатского Тефсира /7/.

На основании того, что существуют древние формы с *e* и *i* корневой гласный восстанавливается в "Этимологическом словаре тюркских языков" как *ke:z* (Сев. II, с. 50), в *VEWT*. М. Рясина как *käç* и **kēč* , М.М. Шербаком (СФ₅₅) - **käç* , Г. Дерфером как *käç(ä)* (KhM. p. 297).

6) *e*: / *e*р... ~ *i*: / *i*р... ~ *e*р... 'рано, утро, завтра'.

К.-балк. *erte* , ногай. *erte* , кумык. *erte* , аз. *ertæ* / *er* / *erħqæn* , тат. (нукрат. говор) *ertæ* / *irtæ* , тат. (карагаши) *erte* , туркм. (кырачский диал.) *e:r* , узб. *eirtæ* / *ertæ* / *erta* / *ettæ* / *e:rtæ* , кирг. *erte* / *ertep* / *ertege* , уйг. *ertæ* / *eti* / *gæn* , сиб. тат. (бараб., томск. диал.) *erte* / *ertæ* , бачат. тел. *erte* / *erten* , чул. тюрк. (нижнечул.) *ertæ* , (среднечул.) *e:rt:e* , алт. (туба, теленгит.) *erte* , (телеут., алтай-кижи, чалк.) *erten* , шор. *erte* / *erten* , хак. (шорск. диал.) *erte* , (кызыльск.) *erte* , тув. *erte* , *ert:en* , тоф. *erte* , долг. *erde* , як. *erde* ~ гагауз. *ier'ken* / *ier'ken* , к. калп. *ierte* / *erte* , узб. *iejtæ* (с. Шерабад), каз. *ierte* ~ тат.

irtæ/jertæ, башк. *irtæ*, чув. *ir'*, туркм. *i:r*, сиб. тат. (тоболо-ирт. диал.) *irtæ*, алт. (куманд.) *Ir'te*, хак. *ir'te*.

Территориальная характеристика распределения широких и узких вариантов близка к предыдущим, но так как в данном случае рассматриваемый гласный находится в абсолютном начале слова, наблюдаются следующие отличия – появление дифтонгоидов в гагаузском, к.-калп., узб., казахском языках, в *ikki* дифтонгоиды были отмечены в к.-калп., казахск., узб., но в гагаузском им соответствует узкий гласный, не отмечалось появление протетического *j* в татарском. В якутском, в отличие от вышерассмотренных вариантов, выступает широкий гласный *erde*, но основное ядро языков с узкими гласными то же – тат., башк., тоболо-ирт. диал. сиб. татар, диалекты хакасского (кроме шорского и кызылского) и туркменский язык.

Первый напрашивающийся вывод состоит в том, что якутский *i* и татарский, башкирский, хакасский *i* совпадают только на последнем этапе различных фонетических процессов: як. *i* (в рассматриваемых словах) < др. т. *e*, *ie* < *e*:, а татарский и башкирский *i* появляются в результате закономерного перелома гласных, включающего *e* > *i*. Но большие колебания в употреблении корневых *e*, *i* в башкирском и татарском языках не исключают возможной общности *e* > *i* во всех рассматриваемых языках.

Рассмотренные соответствия возникают в результате фонетических процессов, которые выходят за пределы изменений фонетических систем, но некоторые другие фонетические преобразования (ассимиляция, упрощение геминат, выпадение звуков) приводят к изменению единиц других уровней. Так, фонетические процессы, происходящие при присоединении падежных аффиксов в некоторых тюркских языках Сибири приводят к изменению как аффиксальных, так и корневых морфем, что, в конечном итоге, может привести к изменению типа склонения.

Список сокращений

КТМ	Малая надпись памятника Кюль-Тегина
КТБ	Большая надпись памятника Кюль-Тегина
Т	Надпись памятника Тинькука в издании С.Е. Малова: Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951
ДТС	Древнетюркский словарь. Л., 1969

Мал.	Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951
ThS	} Материалы этих памятников приводятся по ДТС и с1.
Suv	
Chuast	
Rby	
Qas	
М.К.	Махмуд Кашгарский по изданию: Махмуд Кашгарий Девону луготит турк. Ташкент, 1963
Сев.	Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, 1978, 1980, 1989.
VEWT	Mertti Räsänen versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türkshrechen. Helsinki, 1969.
Габен	A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950
Кым.	Doerfer G. Khalaj materials. Bloomington. The Hague, 1971
С1.	Clauson G. Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972

Библиографический список

1. Radloff W. Zur Geschichte des turkischen Vokalsystems // Изв. императорской Академии наук. 1901. Т. XIV, 4. С. 429 – 461.
2. Gabain von A. Alttürkisch Grammatik. Leipzig, 1950.
3. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
4. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
5. Батманов И.А., Арагош З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.
6. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1953.
7. Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XII – XIII вв. М., 1963.